

БОЛЬШОЙ МАСТЕР СЦЕНЫ

У каждого большого артиста его детские воспоминания неизменно связаны с театром; еще тогда театр властно овладевал его сознанием, и через всю жизнь артист пронесил трепетную любовь к ярко освещенной сцене, к волнующим, нередко мучительным, но всегда радостным минутам творческого труда.

Иные артисты говорят: «Я родился и вырос в театре».

Это — в инсказательном смысле: дескать, от младых ногтей служу Мельпомене. А вот Александр Иосифович Лариков в прямом смысле слова родился в театре — в одном из служебных помещений прославленной Александринки.

Сын вахтера Александринского театра с тех пор, как помнит себя, помнит театр: огни рампы, взволнованные голоса великих артистов — Варламова, Савиной, Давыдова... Он помнит, как потрясали сердца людей эти колоссы русской сцены. Он и сегодня, хотя от тех дней его отделяет свыше полувека, может вспомнить мельчайшие подробности всего увиденного и пережитого.

Это было вдохновенное, подлинное искусство!.. И с юных лет Александр Лариков проникся глубоким уважением к театру, мечтая посвятить ему всю жизнь.

Есть какая-то закономерность в той творческой преемственности, ощущаемой в работах многих наших выдающихся мастеров, которым посчастливилось быть современниками, а нередко и партнерами по сцене великих русских артистов, давно ушедших от нас. Это не слепое копирование, а творческое осмысливание накопленного ими опыта, стремление так же ярко и щедро лепить характеры, поражающие своей глубиной, достоверностью и правдивостью.

Когда спустя сорок лет после того, как молодой артист Александринского театра Александр Лариков играл на летних гастрольях вместе с К. А. Варламовым в спектакле «Не

все коту масленица» (Варламов — Ахова, Лариков — Ипполита), мы видим ныне маститого артиста в роли купца Каркунова из пьесы «Сердце не камень» А. Н. Островского, — нам невольно представляется, что на этом создании зрелого мастера сказалось влияние его великого учителя.

Да, именно в варламовских традициях — сочно, ярко, озорно, с огромной силой обобщения — воплощает А. Лариков черты одичалого самодура-купца.

Он впервые появляется на сцене тяжелым, рыхлым, еще непротрезвившимся после кутежа. Мутные глаза, заплетаящаяся речь... Каждое слово стоит ему усилий. Хриплый, сорванный голос. Развинченные движения. Грузно садится Каркунов — и словно прилипает к месту. Тупостью веет от всей его фигуры. С натугой открывает он спящую веки, растопыренной пятерней проводит по взлохмаченной бороде... А

с каким мастерством играет А. Лариков сцену завешания! Здесь выражаются и откровенная трусость купца (умирать-то не хочется!), и жадность, и свирепость живоеда, и непроходимая тупость. Надо видеть, с каким мистическим ужасом смотрит Лариков — Каркунов на листок бумаги, на котором его племянник Константин выводит слова завешания. Ему кажется, что вот сейчас, немедленно, как только будет написано завешание, оборвется его жизнь, полная диких кутежей, и не сумеет уж больше он натешиться властью земными благами.

Лариков — Каркунов издает какие-то нечленораздельные звуки, он лихорадочно вытирает пот, пугливо озирается на завешание, отходит от стола... А когда закончена неприятная процедура, облегченно вздыхает: словно гора с плеч! Собираясь на очередную попойку, купец оживает. Куда девалось его сонное состояние! Глаза блеснули озорным огнем. Весь он подтянулся, словно помолодел, лихо щелкнув каблуками...

— Рано не жди! — весело кричит он жене и быстро идет к дверям, издавая какие-то звуки: не то мурлычет песенку, не то ругается — не поймешь.

В третьем акте Лариков — Каркунов появляется в состоянии предельного опьянения. Каркунов пришел, чтобы застать свою жену на месте преступления: ему сказали, что у нее завелся «полюбовник». А Лариков в этой сцене достигает подлинного искусства перевоплощения. Он не играет опьянения физиологически. Он показывает Каркунова в состоянии полного одичания, не прибегая ни к каким средствам сугубо внешнего раскрытия образа. Какими-то неуловимыми на первый взгляд штрихами — жестом, междометием, взглядом осовевших глаз — рисует артист ощущения человека, дошедшего до полного маразма. Глядя на грузную фигуру Ларикова — Каркунова, который покачивается на широко расстав-

ленных ногах и пытается произнести хотя бы одно слово, понимаешь, что артист создал образ огромной обличительной силы, типически обобщающий характер, как бы символизировавший собой «темное царство» каркунов, аховых, диких, гениально воплощенных великим русским драматургом.

Предельная простота, правдивость и умение так сливаться со сценическим образом, когда актер и роль неотделимы, отличают не только эту работу народного артиста РСФСР Александра Иосифовича Ларикова.

В 1925 году А. Лариков вступил в труппу Ленинградского Большого драматического театра им. Горького. Почти тридцать лет жизни отдал он работе в этом дерзновенном коллективе, который по праву считается театром большой жизненной правды, театром, в репертуаре которого главное место всегда занимали советские пьесы.

Когда в 1927 году Большой драматический театр впервые поставил пьесу Б. Лавренева «Разлом», А. Лариков сыграл в ней роль Швача. С тех пор прошло двадцать семь лет, но и сегодня мы восхищаемся этим спектаклем и исполнением ряда ролей, лучшим исполнителем роли Швача А. Лариковым.

Смело и ярко воплощает артист черты отвратительной «шкурки», предающей революционных матросов. Это — на редкость зрелая и правдивая актерская работа.

А. Лариков рисует врага без шаржа, без преувеличений, отбрасывая «лобовые» приемы разоблачения. Все в Ларикове — Шваче — речь, походка, взгляд, каждый жест — органично и достоверно. Его Швач вызывает безразличное чувство, презрение, ненависть.

Нельзя без гадливости следить за выражением бегающих глаз Ларикова — Швача, за его скользкими руками, которые все время движутся, будто Швач ищет очередную жертву, в горло которой он хочет вцепиться мертвой хваткой.

Вспомним лицо Ларикова — Швача, когда разоблаченного боцмана схватили разгневанные матросы, чтобы выбросить его за борт, как падаль.

— Братцы!.. — жалобно, со смертельной тоской в голосе вопит Швач.

В его глазах мы читаем животный страх и звериное отчаяние.

Сильный, правдивый образ, оставляющий неизгладимое впечатление!.. Своим талантом артист как бы изнутри освещает растленную, прогнившую душонку заклятого врага революции. Не случайно именно эта роль, сыгранная А. Лариковым, была отмечена высокой наградой — Сталинской премией.

Необычайно широк творческий диапазон артиста.

Сдержанно, с большим внутренним тактом сыграл А. Лариков руководящее лицо в «Моем друге» Н. Погодина и адмирала Белобородова («Офицер флота» А. Крона). Докер Стебс из «Улицы радости» Н. Зархи был в исполнении А. Ларикова полон силы, уверенности, юмора; этот крепко скроенный, громкоголосый, с открытым взглядом смелых глаз человек знал, за что он борется и чего ищет.

В тонкой манере нарисовал А. Лариков портрет полковника Малинина в спектакле по пьесе К. Тренева «Любовь Яровая». Этот внешне подтянутый человек с изысканными манерами, со спокойными и вежливыми интонациями баритонального голоса страшен своей холодной жестокостью и бешеной ненавистью к тем, кто угрожает его классовым интересам.

С блеском сыграл А. Лариковым роль князя Потемкина в пьесе А. Штейна «Адмирал Ушаков».

Советские зрители хорошо помнят А. Ларикова по его работе в кино. Особенно запомнился он в «Человеке с футляром» (учитель пения), «Петре I» (русский солдат) и «Женитьбе» по Н. В. Гоголю, где А. Лариков создал колоритную фигуру Яичницы. Кроме этого, в фильмах-спектаклях при участии артистов Большого драматического театра им. Горького А. Лариков сыграл Швача, полковника Малинина и Левшина («Враги»).

Особое место в творчестве Александра Иосифовича Ларикова занимают роли из пьес А. М. Горького. В «На дне» он сыграл почти все мужские роли, в том числе Пепла, Медведея, Сатина, в пьесе «Достигаев и другие» — Губина, в «Егоре Булычове» — Павлика, во «Врагах» — Левшина и т. д.

Но есть в горьковском репертуаре А. Ларикова одна роль, исполнение которой можно без всяких преувели-

чений назвать вершиной творчества этого крупного артиста. Речь идет о певчем Тетерева из пьесы «Мещане».

Нам довелось несколько раз видеть этот спектакль, и всякий раз мы испытывали глубокое наслаждение при виде филигранной, отточенной во всех деталях игры артиста.

Лариков — Тетерев с его спутанной копной волос, густым басом, разменной походкой и умными, пронзительными глазами надолго запоминается зрителям. Знаменитые горьковские афоризмы, вложенные в уста Тетерева, А. Лариков произносит так, будто они непроизвольно сорвались с его уст. Поистине их рождает, по выражению А. Пушкина, «не память рабская, а сердце». Полное слияние с образом делает Тетерева в исполнении А. Ларикова необычайно выуклым и правдивым.

Талантливый, умный, но потерявший веру в свои силы Тетерев Ларикова топчет свое горе в водке. Ему душно в мире мещан, стяжателей, скопидомов. С каким ядовитым сарказмом клеймит Лариков — Тетерев мещанина Бессеменова! Он буквально уничтожает его, вкладывая в свои слова всю свою ненависть к миру мещан. Он, жалкий, по мнению Бессеменова, спившийся нахлебник и нищий, чист душой, благороден и горд. Он полон чувства собственного достоинства. Он неизмеримо выше всех тех моральных уродов и пигмеев, которые окружают его.

Роль Тетерева в исполнении Ларикова — образец истинно творческого прочтения одного из интереснейших горьковских образов. Это подлинно горьковский характер — по духу, по силе, по глубине, по масштабу обобщения.

Сорок четыре года отдал сцене Александр Иосифович Лариков. Почти полвека! Немалый срок... Но и сегодня, как и в первый год своей сценической деятельности, трепетно, взволнованно относится к любимому делу артист, чей самоотверженный труд на благо родного советского искусства содействует его росту и процветанию.

Яков СМОЛЯК.

НА СНИМКЕ: лауреат Сталинской премии народный артист РСФСР А. И. Лариков в роли Каркунова из пьесы А. Н. Островского «Сердце не камень».